

ройскою, и это ему удается: онъ изображаетъ эту горсть такъ, какъ она могла представиться восторженному юношѣ. Сильверъ, лѣтъ семнадцать отъ роду, толкуетъ и объясняетъ все, что онъ видитъ, дѣвочкѣ Мьеттѣ изъ Банга. И авторъ при этомъ употребляетъ самыя сильныя выраженія, какія только существуютъ въ языкѣ, и изо всѣхъ силъ трудится надъ тѣмъ, чтобы возбудить воображеніе читателя.

Вотъ что мы читаемъ у автора, еще до появленія толпы инсургентовъ: „Вдругъ, на поворотѣ дорѣги, показалась какая-то черная масса; раздалась марсельеза, грозная, пропѣтая съ какою-то фурією мести... Толпа спускалась неудержимо; нѣтъ ничего ужаснѣе и величественнѣе вторженія нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ среди мертвой и ледящей тишины ночной... Марсельеза напоминала собою сводъ небесный, и, какъ дуновеніе изъ гигантскихъ устъ въ чудовищную трубу, разнесла звуки во всѣ концы долины. Уснувшая деревня проснулась сразу; она вся дрогнула, какъ барабанъ, въ который ударили; до глубины души каждого проникли повторяемая эхомъ горячія ноты національной пѣсни... Деревня, потрясая воздухъ, восклицала: „местъ и свобода!“

Вообще все это мѣсто у Золя—вовсе не простая картина ночи; это—описаніе какого-то человѣческаго существа; долина, луга, скалы, даже малѣйшій кустарникъ—все это соединяется въ одинъ колоссальный хоръ. Мы видимъ тутъ, конечно, не картину природы, а самого автора, который рисуетъ все это; авторскій „темпераментъ“ проникаетъ въ „природу“ и преобразуется—съ цѣлью усилить впечатлѣніе, какое должна произвести на читателя neodолимая мощь и непоколебимая твердость той движущейся толпы. Мужественный юноша Сильверъ описываетъ подробно всю эту массу, по частямъ, какъ она подвигается впередъ мимо группы дѣтей; онъ называетъ каждый ея отдѣлъ и всѣхъ превозноситъ съ энтузіазмомъ: „вотъ лѣсники изъ Сейльскихъ лѣсовъ! изъ нихъ образовали корпусъ саперовъ... Вотъ, отрядъ изъ Палюды!.. у нихъ однѣ кѣсы, о! они будутъ косить враговъ, какъ косили траву на своихъ лугахъ!.. Сентъ-Эвтропъ!.. Мазетъ!.. Марзанъ!.. И по временамъ, Сильверу казалось, что всѣ эти люди не идутъ, а уносятся марсельезой, этой суровой и громозвучной пѣсней“...

Но вѣдь все это прямо изъ Гомера; во второй пѣснѣ Иліады встрѣчается совершенно подобное перечисленіе эллинскихъ ко-раблей. Золя даже какъ бы усиливается достигнуть полноты въ такомъ сходствѣ: нѣсколько ниже, описавъ жителей Плассана и